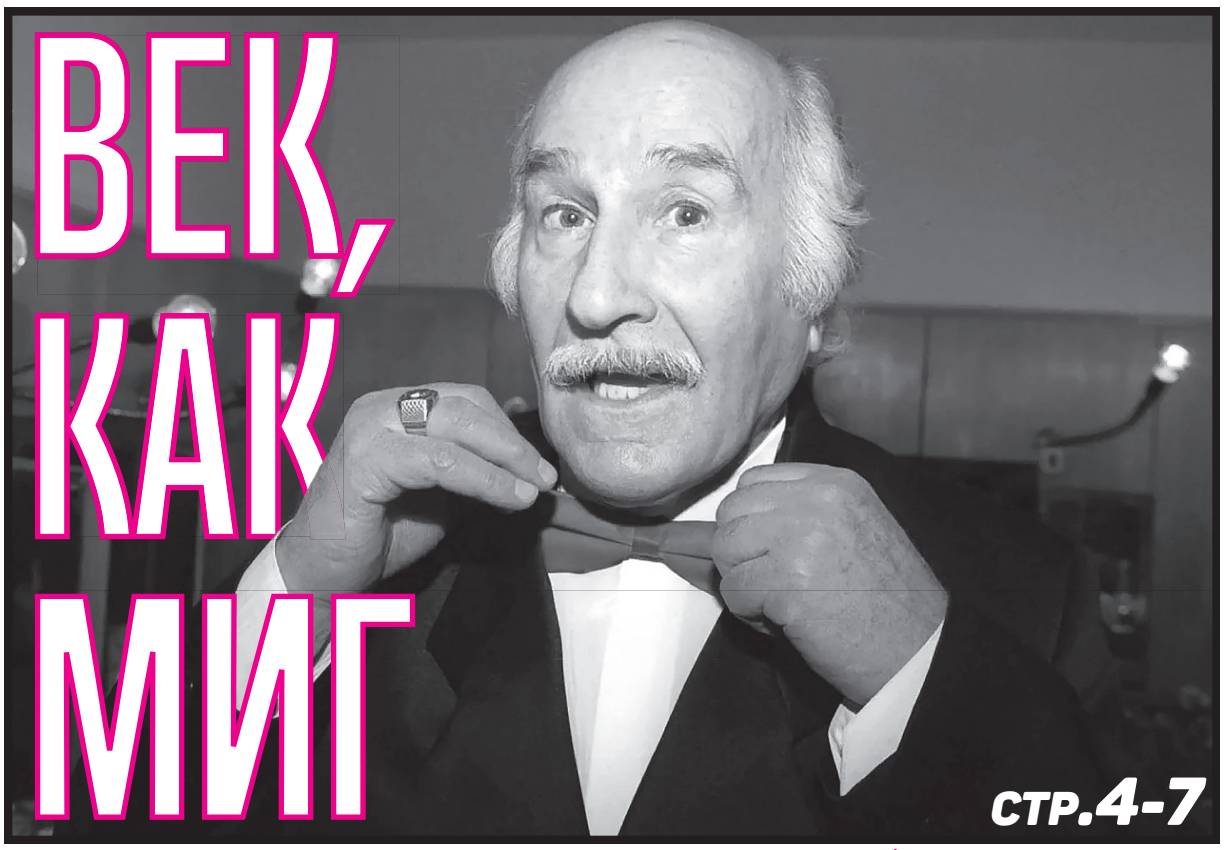
Price in NYC 50¢, outside of NYC $1



ВЕК, КАК МИГ

стр.4-7

стр.8-11

МОЯ ЛЮБОВЬ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

№4 (242)
ЯНВАРЬ 2025

стр.20

БОГАТЫРЬ

стр.14-17

РОДНАЯ СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

С Мариной Ладыниной в фильме «Свинарка и пастух» (1941)

В своей коронной роли Альдемаро в «Учителе танцев» (1950-е)

ВЕК, КАК МИГ

Геннадий Норд

Я позвонил ему за месяц до моего юбилея:

- Владимир Михайлович, приходите. Будет большой концерт, и у вас будет возможность выступить.

Он ответил:

- Спасибо, деточка. Приду. Если не забуду.

На следующий день после юбилея звоню опять:

- Владимир Михайлович, а мы вас так ждали.

- А что было?

- Мой юбилейный концерт.

- О, Господи, забыл. Прости, деточка. Не обижайся.

Я и не думал на него обижаться. Как можно обидеться на Владимира Михайловича Зельдина? Да он, по-прежнему, душа компании, бодр, активен, по-прежнему, выходит на сцену. Но иногда, к сожалению, забывает. И то, ведь ему в тот год исполнилось девяносто девять лет!

Уйдя из жизни в 2016 году, 101-летний Владимир Зельдин оставил потомкам абсолютный рекорд творческого долголетия.

Мне могут возразить: скончавшемуся три года назад старейшему актеру Голливуда Кирку Дугласу перевалило за 103. Не хочется сравнивать несравнимое. Кирк Дуглас последние десятилетия жизни писал книги, а Зельдин в 100 лет играл в четырех спектаклях. Причем не «выходил на сцену», а именно играл: пел, танцевал, произносил сложнейшие монологи, дрался, размахивая далеко не картонным оружием.

Помню, как после спектакля «Человек из Ламанчи», поставленного Юлием Гусманом специально для него, он вышел к зрителям и сказал:

- Мне через несколько месяцев стукнет сто. Но, если вы думаете, что я пою под фонограмму, то... Вот!

И акапелла спел арию Дон-Кихота.

Хорошо помню его легендарную гримерку театра. Именно в эту гримерку к нему приходили многие народные кумиры от Николая Крючкова, Петра Алейникова и Фаины Раневской до опальной Анны Ахматовой.

Он очень любил рассказывать и показывать свои раритеты - бурку и папаху из фильма «Свинарка и пастух», икону из испанской Ла-Манчи, картины, награды, ценные подарки. В красках рассказывал, как воочию слушал пламенные речи «врага народа» Бухарина и читающего свою любовную лирику Маяковского. Как в пору юности занимался в кавалерийском манеже вольтижировкой и рубкой с Василием Сталиным и сыновьями Микояна.

Кстати, больше всего Зельдин сожалел, что не сберег уникальную двустволку с дарственной гравировкой - подарок Жукова - он был вынужден ее продать в лихие 90-е, когда зарплаты в театре не хватало даже на продукты.

А отвечая на вопрос о самом главном и дорогом раритете, неожиданно выпалил:

- Жизнь! То, что я еще могу выходить в свои 99 лет на сцену. Этого никто не делает.

Между прочим, эта самая жизнь Зельдина не очень-то баловала. Зато фортуна явно ему благоволила.

В восемь лет он мог утонуть, купаясь в Оке, его затащило в водоворот около колесного парохода. Обошлось.

В девять переболел тяжелейшим дифтеритом. В те годы это была смертельная болезнь. Его буквально вытащил с того света доктор, трубочкой отсосавший гнойную пленку.

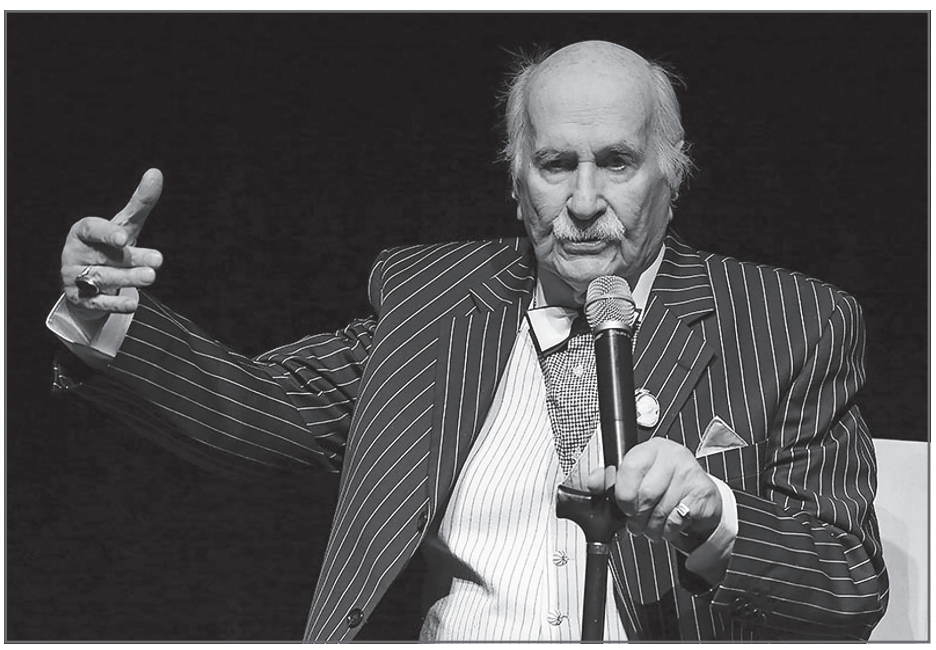
Ему было восемнадцать, когда на него написали донос, и от ареста и лагерей Владимира Михайловича спасло еще одно чудо.

В 1941-ом его уже отправили было на фронт, где он неминуемо должен был погибнуть. Так он сам считал всю жизнь. На этот раз его спас великий Пырьев - утвердил на роль в картине «Свинарка и пастух».

Да и в дальнейшем Зельдин не очень-то себя берег: открыто общался с иностранцами, когда это было, мягко говоря, небезопасно. Выступал перед ликвидаторами чернобыльской аварии, несколько раз попадал под обстрелы во время концертов в горячих точках. Он говорил:

- Мне кажется, такого поколения больше не будет, потому что мы очень искренне любили свою страну, свое отечество, где родились.

- Как вы попали на съемки к Пырьеву?



С Ольгой Аросевой

- Когда Иван Александрович Пырьев начал снимать эту «реальную музыкальную сказку» (а именно так он именовал жанр фильма «Свинарка и пастух»), я работал в Центральном транспортном театре. Играл уже неплохие роли - Фердинанда в «Коварстве и любви» Шиллера, Антифола Сиракузского в «Комедии ошибок» Шекспира. В том числе великолепную комедийно-героическую роль - рядового Гоглидзе в спектакле «Генеральный консул». Публика принимала на «ура»! Без ложной скромности, я хорошо двигался, прекрасно танцевал. Еще во время учебы считался первым учеником бывшей балерины Большого театра Веры Ильиничны Мосоловой.

И вот однажды помощник Пырьева после спектакля подошел ко мне:

- Володя, вот сценарий фильма. Прочтите - там есть роль неплохая.

Я прочел и пришел в восторг - все в стихах. Но я был уверен, что моя кандидатура не подойдет.

- Почему?

- Как раз в это время в Москве гастролировал тбилисский театр имени Руставели. Показывали «Отелло», «Разбойники» Шиллера. Весь город стоял на ушах, невозможно было попасть! Акакий Хорава играл Отелло, на сцене блистали Васадзе, Анджапаридзе. Э-хе! Все музыкальные, голосистые, талантливые необыкновенно. Как эффектно они умели носить бурку, скакать на лошади. И все - писаные красавцы!

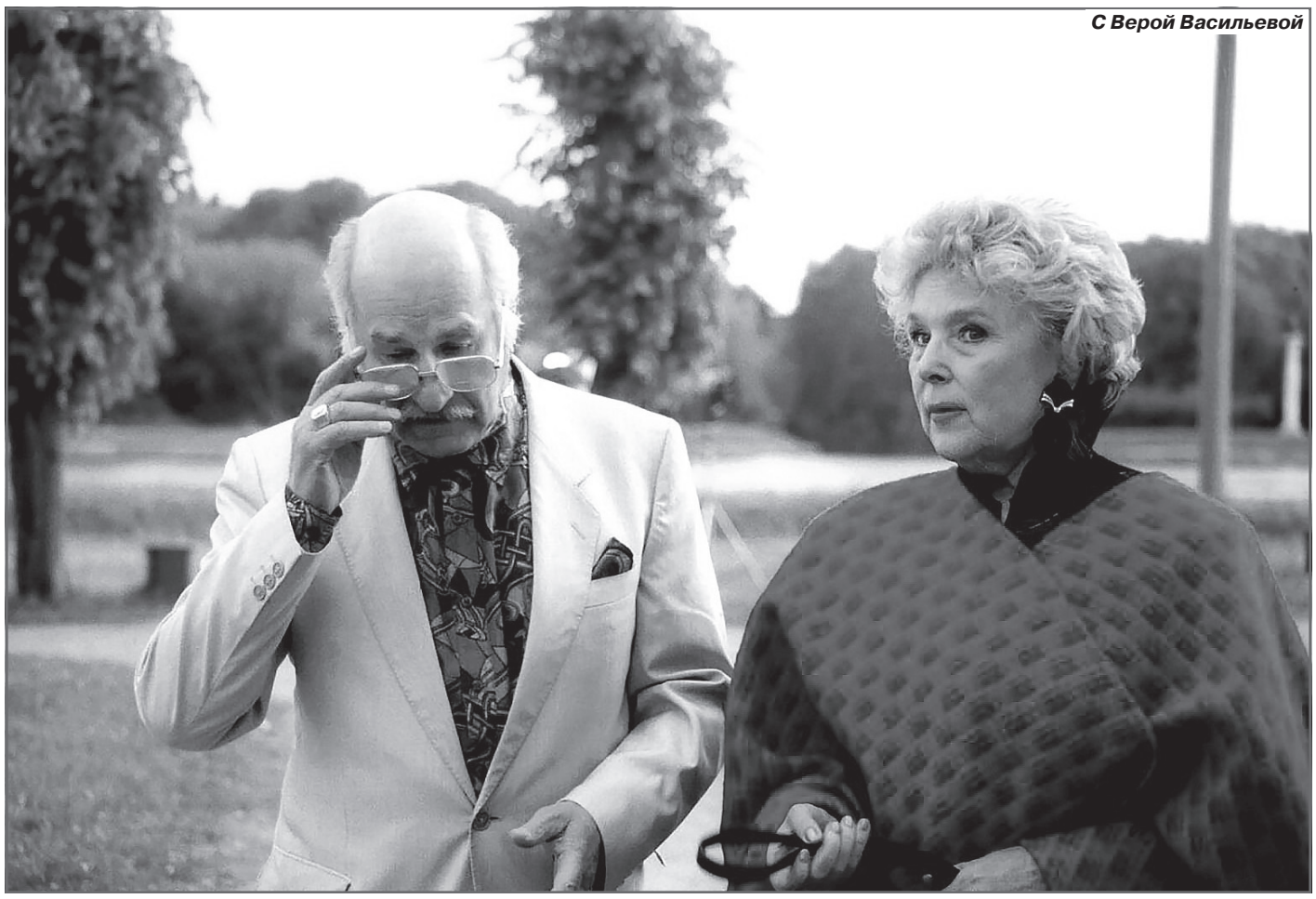
Поэтому я прочел сценарий и успокоился. Вдруг звонок:

- Володя, с вами хочет познакомиться Иван Александрович Пырьев.

Приезжаю. Пырьев сидел в комнатке за столом. А о нем легенды ходили: грубый, матерщинник.

- Говорили, мог наорать без повода, даже ударить актера.

- Скажу тебе так: говорить всякое говорили, но самобытный талант и профессионализм признавали все. У Пырьева были враги - как у каждого талантливого человека. Многие ему просто завидовали. При этом мало кто знает, что в юности он батрачил, прошел войну. Имел, кстати, несколько Георгиевских крестов. Потом пристрастился к самодеятельности, был учеником Эйзенштейна. То есть сделал себя сам. А «самодур», «наорать, ударить»? Лично я снимался в двух картинах Ивана Александровича и ни с чем подобным не сталкивался ни разу.



С Верой Васильевой

Он мне сказал:

- Подготовь две-три сцены.

Сняли. А я знал, что параллельно со мной пробовались очень многие, в том числе лучшие актеры-грузины. И понимал, что, по большому счету, шансы мои равны нулю.

Но Пырьев сделал неожиданный ход: он собрал в просмотровый зал всех женщин съемочной группы, показал им все актерские пробы и задал один вопрос:

- Какой Мусаиб будет пользоваться успехом и любовью у зрителя?

И представь себе, дамы из всех «грузин» выбрали меня.

В июне 1941-го мы, закончив натурные съемки в Кабардино-Балкарии, должны были возвращаться в Москву. И тут - война! Когда приехали в Москву, меня уже поджидала повестка. Пошел в военкомат, сдал паспорт и вскоре должен отправляться в учебное танковое заведение - учиться на танкиста. Я уже мыслями был на фронте.

Вдруг через три-четыре дня звонок с «Мосфильма»:

- Володя! Приезжай немедленно. Есть постановление Комитета по кинематографии, подписанное министром Большаковым, продолжить съемки.

Но я уверен, что решение принимал не Большаков, а лично Иосиф Виссарионович Сталин.

Вот так, благодаря фильму, я уцелел. Мне было тогда 26 лет - таких первыми бросали в самое пекло.

Окончание на с.6

С Владимиром Этушем

Мюзикл «Человек из Ламанчи» Юлий Гусман поставил к 90-летию Зельдина

Окончание. Начало на с.5

- Как вам работалось с Ладыниной?

- Марина Ладынина для меня - святое воспоминание. Я даже не могу ее называть «моя партнерша», - нет, это что-то другое. Всегда вспоминаю о ней с трепетом. Она была необыкновенная, повсюду известная, обожаемая зрителем. Помню, когда впервые увидел Марину так близко, я просто от восхищения онемел: передо мной стояла очень красивая и очень породистая белокурая женщина с васильковыми глазами, обворожительной улыбкой, от которой кружилась голова, и с очаровательным, каким-то вкрадчивым и застенчивым голосом. Совсем непохожая на свинарку из фильма, которую ей предстояло сыграть. Но ей подтянули носик, обсыпали лицо веснушками, повязали платочком - вышла настоящая деревенская девушка Глаша.

Я хорошо помню ее давнюю фотографию, где она в Каннах, на международном кинофестивале, и где она выглядит просто королевой - в бальном платье, мехах, как всегда, открыто улыбающаяся, но царственная и недоступная.

Вот если кого-то можно назвать настоящей звездой, то Ладынину - однозначно. В отличие от нас, простых смертных.

Мне повезло: мы дважды встречались с Мариной Ладыниной на съемках и дважды играли любовь. Казалось бы, я должен ее хорошо знать, но ничего подобного - я просто был ее партнером и расцениваю это как подарок судьбы.

В жизни она была скромной, замкнутой, умной, всегда немного печальной, неразговорчивой, никогда и ни с кем своими тайнами не делилась. Иногда мы общались и даже долго вместе выступали в концертах, когда она развелась с Пырьевым и совсем перестала сниматься. Мы с Мариночкой перезванивались до последнего. В одном из последних разговоров она сказала:

- Как хорошо, Володя, что ты позвонил. А то телефон совсем молчит. Ты ведь у меня один остался.

- Мало кто знает, что картина «Свинарка и пастух» (в Америке она демонстрировалась под названием «Они повстречались в Москве») чуть не получила «Оскара».

- Кстати, стараниями замечательного Соломона Михоэлса, создателя знаменитого еврейского театра, которого потом убили. Он ездил договариваться с американцами по поводу продовольственной помощи СССР, и он же привез в Америку нашу ленту. Мы должны были получить главный приз, но не дали.

Я видел американскую рецензию хвалебную. Картина там пользовалась успехом. Очень хвалили актерскую игру, музыку. Сочиняли небылицы, что у меня шикарный особняк в Москве, и под окнами меня ждут толпы влюбленных девушек. Я недоумевал: какой там особняк? У меня ничего не было. Я жил в театре на малой сцене вместе с тараканами, крысами и мышами.

Да и на улице меня узнавали крайне редко. Все-таки в жизни я не очень был похож на своего героя - без подкрашенных усов, папахи и бурки. К тому же я и не стремился к славе. Всю жизнь повторял вслед за Пастернаком: «Быть знаменитым - некрасиво!»

- А как по поводу вашей официальной карьеры?

- Официальной карьеры я ведь и не сделал. Никогда не был пионером и комсомольцем - даже в партии и то не состоял. Звания себе просить не ходил, не выпрашивал никогда и прибавок к зарплате.

Дело все в том, что юность моя пришлась на 20-е годы - тогда членство в политических и общественных организациях обязаловкой еще не стало, а неучастие в общественной жизни не квалифицировалось как криминал и не каралось так страшно, как потом. Это позже стало чуть ли не обязательным условием твоего продвижения по карьерной лестнице.

Хорошо помню недоумение нашего нового главного режиссера, когда он узнал, что ни я, ни актриса Нина Сазонова, ни Людмила Касаткина не являемся членами КПСС. При этом служим в военном театре, который напрямую подчиняется Главному политическому управлению! Он не мог понять: как нам это удалось?

Кстати, есть на эту тему забавная и очень правдивая история из жизни Фаины Раневской: уже в преклонных летах Фаина Георгиевна вдруг объявила, что хочет вступить в партию. А когда потрясенные друзья спросили ее, с какой это вдруг стати, ответила:

- Хочу узнать, что эта б... Марецкая на партсобраниях обо мне говорит?

Партсобрания же были тогда «закрытыми», а решения порой там принимались судьбоносные.

Но лично меня эти «закрытые» разговоры никогда не волновали. Я не был диссидентом, но считал, что художник не может быть ограничен узкими рамками партийной дисциплины.

- Как вас коснулись репрессии тридцатых?

- Знаешь, и у нас в театре в 1930-е годы пропадали люди. Это видели и замечали все вокруг. Но об этом не говорили - говорить было не принято.

Меня в 1933-м тоже вызывали на Лубянку по ложному доносу. Следователь в гимнастерке как крикнет на меня:

- А ну оружие на стол!

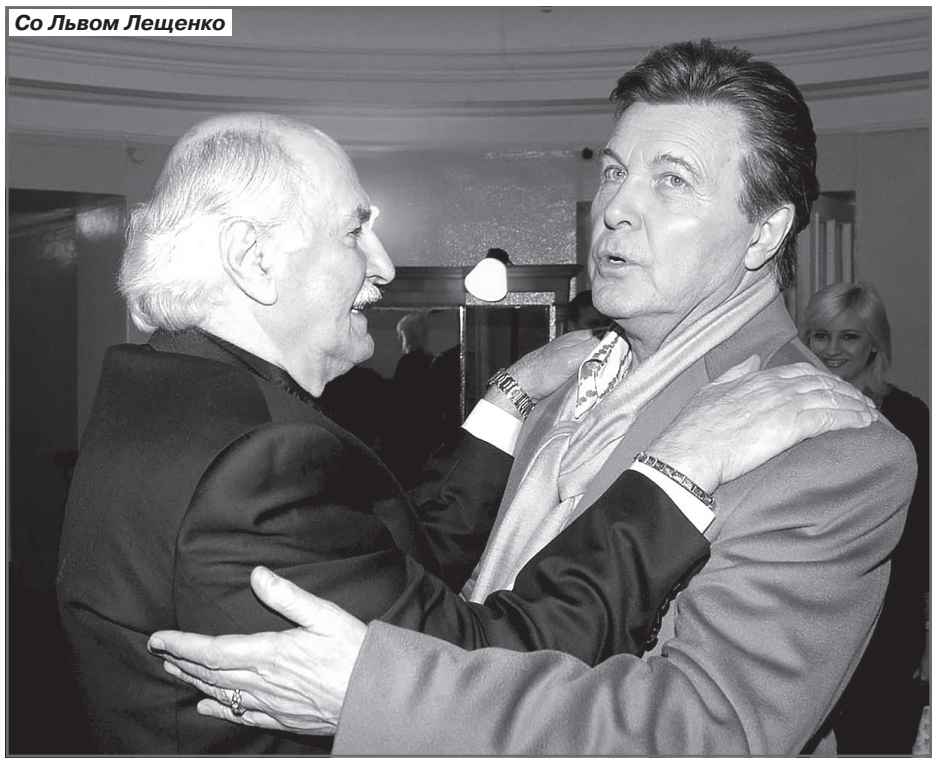
Я растерялся, говорю:

- У меня никакого оружия нет.

- Лучше сразу сознавайся! Мы всё знаем!

Он на меня и давил по полной, и обысками пугал. А я тогда был очень наивный, смотрел на него чистыми глазами:

С женой Иветтой Капраловой в своей знаменитой гримерке


Со Львом Лещенко

На открытии Звезды Владимира Зельдина

- Я не могу вам врать.

А потом я вспомнил! В конце каникул обычно мы ездили в колхоз - занимались там с местной молодежью актерским мастерством. И в разговоре с кем-то из товарищей об уличной преступности я сказал, что хорошо бы раздобыть какой-нибудь пистолет, чтобы обезопасить себя от уличных хулиганов. И видимо он «стукнул» куда надо.

Хорошо, что этот следователь мне поверил и отпустил. А могли всю жизнь сломать в восемнадцать лет. Повод был, запросто могли взять и отправить в лагерь. Всё!

Еще был случай - из-за «Учителя танцев» меня судили.

- А это почему?

- 1949 год - довольно суровое время. У меня должен был быть спектакль в клубе за городом. А у моего друга Толи Грейнера (чемпиона СССР по боксу в полусреднем весе) был мотоцикл. Я сдуру возьми да скажи:

- Давай я на твоем мотоцикле поеду на спектакль.

На мое несчастье по дороге заклинило мотор. А я же в ремонте ничего не понимаю! Добирался грузовыми машинами и, конечно, опоздал на 45 минут. Там уже вызвали оркестр, чтобы отвлечь зрителей. То есть вся труппа и целый зал ждали только меня. Спектакль прошел здорово - на таком нерве, поскольку я сам был взвинченным, очень переживал.

А потом меня в театре судили. Это тоже оказался «театр» - такой образцово-показательный товарищеский суд коллектива. На партсобрании меня пропесочить не могли - я не был членом партии, и тогда мне устроили суд товарищеский. Эту сцену стоило заснять на кинопленку - вышла бы, наверное, неплохая кинокомедия.

Но знаешь, что больше всего меня потрясло? Никто из моих коллег не то, что не заступился. Слова доброго не сказал. Я был одним из ведущих актеров - играл и «Давным-давно», и «Учитель танцев», и «Укрощение строптивой». По 25 спектаклей в месяц! Никто не вспомнил об этом. Наговорили на меня столько. Дошли до того, что начали обвинять: мол, такие люди могут стать предателями родины.

- На полном серьезе?

- Да! Шпионами! В общем, меня «нужно было расстрелять». Но кончилось тем, что начальник нашего театра генерал Савва Игнатьевич Паша сказал:

- Ребята, что-то вас куда-то не туда понесло!

Словом, я думал, что, может, в зарплате меня понизят. А мне объявили просто выговор. Тем не менее, эта история оставила неприятный осадок.

- Вы встречались с Ахматовой? С Маяковским? С Утёсовым?

- Анна Андреевна Ахматова неожиданно появилась в антракте «Учителя танцев» - ее наш режиссер Нина Антоновна Ольшевская, мама Алексея Баталова, привела. И даже не предупредила меня. Ахматова очень дружила с их семьей. Приезжая в Москву, всегда останавливалась у них дома.

- Удалось пообщаться?

- Да в том-то и дело, что нет. Я даже не встал - настолько обалдел. У меня чуть сердце не остановилось! Анна Андреевна долго-долго внимательно смотрела на меня. А я на нее. Седая, очаровательная, величественная женщина. С каким-то своим внутренним миром, невероятно красивая! Стояла, облокотившись на полуоткрытую дверь моей гримерки, и даже не зашла в нее.

В то время уже вышло пресловутое Постановление ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», началась травля, ее и Зощенко втаптывали в грязь. Ты не представляешь, что ей пришлось пережить! Как она это выдерживала?

А Маяковского я действительно видел. Я учился на первом курсе, и он выступал перед нами, студентами, в Доме актера - в полуподвале около Триумфальной арки. Там была небольшая сцена, зрительный зал примерно на сто человек. Помню, еще была бильярдная и буфет.

Маяковский вышел на сцену - мощный, красивый, коротко подстриженный. Такой высокий, что казалось - подпирал макушкой потолок. Все зааплодировали. Зал был битком - люди стояли вдоль стен, сидели на подоконниках.

Памятник на могиле Владимира Зельдина на Новодевичьем кладбище

Мы такие каверзные вопросы задавали, а он мгновенно, остроумно парировал под всеобщий хохот и аплодисменты.

А потом читал стихи.

Кстати, я очень люблю его лирику. Както раз я выступал в Париже со своим творческим вечером, а потом было такое в посольстве застолье, на котором я встал и продекламировал его знаменитые строки: «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли Москва».

С Утёсовым виделся несколько раз. Смотрел его фильмы. Даже ходил на концерты его джаза. Я его называл гуттаперчевым артистом. Он мог всё! Абсолютно всё! В любом жанре, в любой роли. Совершенно универсален! Я всегда им восхищался, и очень многому у него научился.

- Многие уверены, что у вас достаточно гладкая, благополучная актерская карьера. Всё удачно сложилось - роли, успех. А вы-то как сами считаете?

- Гладкая и благополучная? Нет. За всем, чего я достиг, стоит большой труд, к тому же компромиссов так же, как суеты, искусство не терпит. Нет, я не баловень судьбы и никто мне ни в чем в смысле профессии не помогал. У меня не было блата, папы, который руководил бы театром, и в кинематографе не было своего режиссера.

Ведь, ты понимаешь, наша профессия зависима от многих обстоятельств. Тебя режиссер увидел, не увидел.

Мне кажется, и моя фамилия сыграла такую довольно-таки негативную роль.

А что касается моего долголетия. Знаешь, когда меня спрашивают о возрасте и моих ощущениях, всегда на ум приходит такое: я век - Век! - прожил на этой земле, а он промчался как миг! Уж поверь мне.